

Не памятник Сталину, а Храм высшей школы

Юрий ЖДАНОВ (1919–2006) — сын видного советского государственного и партийного деятеля, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Андрея Жданова, зять Иосифа Сталина. Советский и российский учёный, председатель Совета Северо-Кавказского научного центра высшей школы Юрий Андреевич более 30 лет возглавлял Ростовский государственный университет.

В 1947–1953 годах Юрий Жданов работал в аппарате ЦК КПСС, занимался вопросами науки. Ректор Адыгейского государственного университета Рашид Хунагов отмечает, что университеты в республиках Северного Кавказа, наверное, были бы созданы, но без Юрия Жданова это произошло бы значительно позже.

В 1941 году Юрий Жданов окончил МГУ по специальности «органическая химия», а спустя 62 года, 13 октября 2003 года, на заседании учёного совета Московского государственного университета прошла церемония вручения члену-корреспонденту Российской Академии наук Юрию Жданову диплома и медали «Почётный профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова». Ректор МГУ имени М. В. Ломоносова академик Виктор Садовничий, вручая диплом Жданову, отметил, что такого звания удостоиваются лишь выдающиеся учёные современности. При этом он подчеркнул особую роль Юрия Андреевича в решении вопросов, связанных со строительством главного здания МГУ.

Особая роль принадлежит Юрию Жданову в развитии гуманитарных наук. Он является символической фигурой интеллектуального сообщества Юга России.

Юрий Жданов — известный учёный, философ и культуролог, автор научно-образовательных комплексов, проводник политики соединения естественнонаучного образования с гуманитарным, «культурный строитель» — неординарная личность, созидаящая науку и культуру в самых разных её формах, сеющая разумное, доброе и потому — вечное.

В 2004 году вышли мемуары Юрия Жданова «Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца». Знакомим наших читателей с отрывком о строительстве нового комплекса МГУ на Ленинских (Воробьёвых) горах:

«Осенью 1947 года наша семья отдыхала в Сочи. Случилось так, что в это время я был дважды приглашён Сталиным для беседы — 18 октября и 10 ноября.

В ходе последней беседы Сталин коснулся судьбы отечественных университетов. Вот основное содержание его слов.

“Наши университеты после революции прошли три периода.

В первый период они играли ту же роль, что и в царское время. Они были основной кузницей кадров. Наряду с ними лишь в очень слабой мере развивались рабфаки.

Затем, с развитием хозяйства и торговли потребовалось большое количество практиков, дельцов. Университетам был нанесён удар. Возникло много техникумов и отраслевых институтов. Хозяева обесценивали себя кадрами, но они не были заинтересованы в подготовке теоретиков. Институты съели университеты.

Сейчас у нас слишком много университетов. Следует не насаждать новые, а улучшать существующие.

Нельзя ставить вопрос так: университеты готовят либо преподавателей, либо научных работников. Нельзя преподавать, не ведая и не зная научной работы.

Человек, знающий хорошо теорию, будет лучше разбираться в практических вопросах, чем узкий практик. Человек, получивший университетское образование, обладающий широким кругозором, будет

полезнее для практики, чем, например, химик, ничего не знающий, кроме своей химии.

В университеты следует набирать не одну лишь зелёную молодёжь со школьной скамьи, но и практиков, прошедших определённый производственный опыт. У них в головах уже имеются вопросы и проблемы, но нет теоретических знаний для их решения.

На ближайший период следует большую часть выпускников оставлять при университетах. Насытить университеты преподавателями.

О Московском университете. Несильное там руководство. Быть может, стоит разделить Московский университет на два университета: в одном сосредоточить естественные науки (физический, физико-технический, математический, химический, биологический и почвенно-географический факультеты), а в другом — общественные (исторический, филологический, юридический, философский факультеты).

Старое здание отремонтировать и отдать общественным наукам, а для естественных выстроить новое, где-нибудь на Воробьёвых горах. Приспособить для этого одно из строящихся в Москве больших зданий. Сделать его не в 16, а в 10, в 8 этажей, оборудовать по всем требованиям современной науки.

Уровень науки у нас понизился. По сути дела, у нас сейчас не делается серьёзных открытий. Ещё до войны что-то делалось, был стимул. А сейчас у нас нередко говорят: дайте образец из-за границы, мы разберём, а потом сами построим. Что, меньше пытливости у нас? Нет. Дело в организации.

По нашим возможностям мы должны иметь И. Г. Фарбениндуэстри в кубе. А нет его. Химия сейчас — важнейшая наука, у неё громадное будущее. Не создать ли нам университет химии?

Мало у нас в руководстве беспокорных... Есть такие люди: если им хорошо, то они думают, что и всем хорошо..."

Было высказано много интересных наблюдений и идей о науке, её состоянии и перспективах.

Прошло немного времени, и уже в декабре 1947 года недавно выдвинутый секретарь ЦК А. А. Кузнецов пригласил меня на должность заведующего сектором естественных наук ЦК ВКП(б).

В океане нахлынувших новых дел надо было в первую очередь подумать о Московском университете. Для этого следовало решить вопрос о его руководстве.

Предварительный совет состоялся с замечательным человеком и учёным, тогдашним президентом Академии наук СССР академиком С. И. Вавиловым. Он поддержал моё предложение выдвинуть на пост ректора МГУ А. Н. Несмеянова.

Когда это свершилось, я пригласил Александра Николаевича в ЦК, и вместе мы подготовили проект письма на имя Сталина о строительстве нового комплекса зданий Московского государственного университета. Мы обсуждали структуру, численность коллектива МГУ, высотность зданий и, в конечном итоге, представили за двумя подписями записку в Политбюро.

Наступила пауза. О судьбе записки мы не знали ничего, пока нас где-то

через месяц не пригласили в Московский городской комитет и Моссовет. Нашу записку было поручено рассмотреть там.

Встретили нас с Александром Николаевичем как-то странно: для московских руководителей мы были люди новые и не из их сферы. Нас рассматривали с настороженным любопытством, а потом спросили: вы понимаете, что вы написали? Вот вы тут пишете об университете в десять этажей. А известно ли вам, какое лифтовое хозяйство необходимо для переброски тысяч людей в течение перерыва между занятиями? Учебное заведение не может быть выше четырёх этажей, чтобы масса людей обходилась без лифтов.

Мы с Александром Николаевичем съездили. А дальше последовало приглашение: поедем выбирать участок для нового университета.

Вышли мы из здания, расселись по машинам и поехали. Ехать пришлось долго. Промелькнула Калужская застава, кончились московские пригороды, замелькали рощи и деревни. Наконец, доехали: посёлок Внуково. Здесь в те времена не было аэропорта, вокруг расстилались широкие поля.

Нас пригласили выйти и сказали: "Вот здесь и построим университетский городок".

Мы про себя подумали: "Четырёхэтажный".

Прошли недели, и вдруг нас с Александром Николаевичем вызывают прямо на заседание Политбюро. Заседание вёл Сталин. На нём присутствовали члены Политбюро, руководители Москвы и мы с Несмеяновым в весьма напряжённом состоянии.

Сталин начал прямо:

"Здесь были представлены предложения о строительстве нового комплекса зданий для Московского государственного университета. Что спроектировано у нас на Воробьёвых горах?"

Ответ:

"Комплекс высотных жилых зданий".

Сталин:

"Возведём этот комплекс для Московского университета, и не в 10–12, а в 20 этажей. Строить поручим Комаровскому. Для ускорения темпов строительства его надо будет вести одновременно с проектированием".

Обращаясь к Микояну:

"Следует предусмотреть Внешторгу валютные ассигнования на необходимое оснащение и оборудование для лабораторий; университет

должен быть обеспечен новейшими приборами и реактивами.

Необходимо создать жилищно-бытовые условия, построим общежития для преподавателей и студентов.

Сколько будет жить студентов? шесть тысяч? Значит, в общежитии должно быть шесть тысяч комнат. Особо следует позаботиться о семейных студентах".

Всё это было принято, лишь в одном месте возразил Молотов:

— Студентам будет скучно в одиночестве, надо разместить их хотя бы по двое.

На Ленинских горах буквально заработал вулкан; строительство шло невиданными темпами. После ухода в 1951 году А. Н. Несмеянова в Академию наук в связи с кончиной С. И. Вавилова строительством занялся Иван Георгиевич Петровский.

Следует подчеркнуть, что решение о строительстве МГУ было дополнено широкими мерами по укреплению материальной базы всех университетов, в первую очередь, в городах, пострадавших от войны. Университетам были переданы крупные здания в Воронеже, Минске, Харькове. Активно начали создаваться и развиваться университеты ряда союзных республик.

Помню, один из чиновников предложил в 1949 году отметить юбилейные дни Сталина присвоением его имени комплексу МГУ на Ленинских горах. Ответ был однозначен:

— Главный университет страны может носить лишь одно имя — Ломоносова.

...Новый комплекс зданий МГУ на Ленинских горах был построен в 1955 году. К сожалению, он по-прежнему вызывал к себе идиосинкразию у бывших московских руководителей. Никита Сергеевич Хрущёв отказался присутствовать при открытии комплекса. Известно его ворчание по поводу того, что-де мол Сталин хотел воздвигнуть себе памятник, а за такие деньги можно построить десять университетов. Зря, конечно, все это».

Торжественная церемония закладки первого камня высотного здания МГУ имени М. В. Ломоносова состоялась 12 апреля 1949 года, а открыли здание 1 сентября 1953 года. Для возведения всего комплекса потребовалось ещё два года.

На снимках: Юрий Жданов; обложка книги Юрия Жданова «Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца».

